

ШЕХТЕЛЬ: САРАТОВСКИЕ СТРАНИЧКИ

[Андрей Мушта](#)

Автор выражает глубокую приятельство людям, чье доброе участие и помощь
позволили написать эту статью:
Семье Шехтель – Кире Сергеевне Лазаревой-Станицевой и Федору Геннадиевичу
Ращевскому. Доктору искусствоведения Евгению Ивановне Кириченко, историку и
краеведу Евгению Константиновичу Максимову, исследователю жизни и творчества
Шехтеля Людмиле Владимировне Сайгиной (ГНИМА им. Шусева), фотографу Маргарите
Фединой, сотрудникам ГАСО Анне Ивановне и Нине Ивановне Евстифеевой.

Становление и формирование выдающегося русского зодчего Федора Осиповича Шехтеля (1859–1926) пришлись на саратовское десятилетие. Атмосфера, в которой оказался шестилетний Шехтель в Саратове, была феерической. Жизнь его семьи протекала между двумя театрами и увеселительным садом «госпожи Шехтель». Театральность Шехтеля-художника начала формироваться именно в этот год. Драматические события 1867 года и перипетии последующих лет не изменили его жизнерадостного характера, в своем творчестве он сохранил ощущение праздника и веселого озорства. В Саратове прошли годы учебы будущего зодчего, здесь он начал рисовать. С переездом в Москву в 1875 году Шехтель очень быстро встал в один ряд с ведущими деятелями культуры той эпохи, но связанные его с Саратовом многочисленные ниточки не оборвались.

В хитросплетениях генеалогии Шехтеля разобраться непросто: Шехтели жили в Саратовском крае долго, отличались завидной плодовитостью, а детям своим давали одни и те же имена – Осип, Франц и Екатерина. Окончательно все запутал сам зодчий, женившись на своей троюродной племяннице. Поэтому его дочь, его теща (она же кузина), и его бабушку звали одинаково – Екатерина Францевна Шехтель!

Для тех, кто захочет разобраться более детально, ниже прилагаются таблички генеалогического древа Шехтеля, его семьи и семьи его жены ([стр. 10](#))

Первые Шехтели оказались в Саратове, в Конторе иностранных поселенцев почти за сто лет до рождения зодчего. Они держали свой путь из Баварии на юг тогдашней Саратовской губернии в только что основанную «вызывающую колонию». С них, пожалуй, и стоит начать рассказ.

< Федор Осипович Шехтель, зодчий

▽ Фрагмент карты коренных колоний с показом первоначальных мест проживания Шехтелей

1. ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

И взял Фарра Аврама, сына своего, и Лота, сына Аранова, внука своего, и Сару, невестку свою, жену Аврама, сына своего, и вышел с ними из Ура Халдейского, чтобы идти в землю Ханаанскую.

Ветхий Завет. Быт. 11,31

Хотя Шехтели считались немцами, но не были таковыми. И какого происхождения они были – неизвестно.

Ф. В. Духовников. «Немцы, другие иностранцы и пришлые люди», 1893 год

Трудно сказать, что побудило сапожника Якова Банделя жениться на вдове Антона Шехтеля¹. Аполлония, хотя и имела пяти-рых разновозрастных детей, зато была старше своего избранника на шестнадцать лет. Жили они в Баварии, в крошечном старинном городке Бисванге близ Паппенхайма. Видимо, не от хорошей жизни это странное семейство поддалось на посулы завербовавшего их «вызываителя Дебофа»² и прибыло в июне 1766 года в основанную этим предпримчивым французским бароном колонию в Саратовской губернии. В одних документах ее называли Шукк (по имени форштегера колонии Якова Шукка), а в других – Грязноватка (по названию ручья, на берегу которого по-солдатски выстроились дома поселенцев)³.

Императрица Екатерина II, издавая свой знаменитый Манифест, предполагала, что край будут осваивать опытные землепашцы. Но так уж получилось, что среди первых колонистов Нагорной стороны Волги преобладали ремесленники. Не были исключением и Шехтели, запомнившиеся, главным образом, как толковые ткачи. Сыновья Антона Шехтеля – Генрих, Вильгельм и Петр пережили пугачевское нашествие и буквально вросли в Поволжский фатерлянд, став отцами-основателями клана Шехтелей⁴.

Довольно скоро потомки Антона Шехтеля заполнили Грязноватку и ближайшие католические колонии Фольмер, Каменку и Келер, основали хутора Шехтельский и Шехтелевский⁵. Поколение за поколением жили они здесь, законсервированные в особом староюжнонемецком мире на берегах речки Иловли. И отсюда в конце XIX столетия малая их часть уехала в Америку, а спустя еще полвека остальных Шехтелей навсегда увезли в Сибирь...

Генрих, сын Антона Шехтеля, прибыл в Россию 19-летним юношей, вскоре женился на Марии Аппельханс из соседней колонии Ротгаммель, в браке родилось пятеро детей. Уже к 1787 году Генрих погасил все задолженности казне (а подъемные для первых поселенцев составляли немалые суммы) и получил паспорт для свободного передвижения по Российской Империи⁶. Однако никуда не поехал, «изъявил желание и в будущем оставаться в колонии Шукк», там же скончался в 1819 году. Не изменили Шукку-Грязноватке и все его потомки, кроме старшего сына – Осипа (Joseph)⁷.

Иосиф, или Осип, Шехтель – дед зодчего (1775, Шукк – до 1841, Саратов) переехал в Саратов с семьей в конце 1820-х – начале 1830-х годов. Во всяком случае, в списках саратовских купцов 1824 года Шехтелей еще нет, а начиная с конца 1830-х без них в Саратове не обходилось ни одно серьезное мероприятие.

Причиной переезда семейства Шехтелей в Саратов была дешевая и качественная хлопчатобумажной ткань, известная как сарпинка. Колонисты-меннониты из Сарепты начали здесь ее производство в 1816 году. Шехтелям удалось не только наладить ее изготов-

> Саратовский купец Франц Осипович Шехтель, дядя зодчего. 1860-е годы

> Купчиха Анна Францевна Шехтель, тетя зодчего, 1870-е годы

ление на собственной ткацкой фабрике, но и вообще вытеснить сарептян из города⁸. Кусок сарпинки фабрики братьев Шехтель купил на специально устроенной выставке наследник Александр Николаевич (будущий император Александр II), посетивший Саратов в июне 1837 года⁹.

Осип Шехтель успел побывать саратовским 3-й гильдии купцом недолго, заложив основы процветания семейства Шехтелей. В 1841 году его вдова, саратовская купчиха 1-й гильдии Екатерина Францевна Шехтель, наравне с двумя богатейшими саратовскими купцами Буркиным и Образцовым, внесла пай в 15 тысяч рублей серебром в «Компанию саратовских купцов Степана Калашникова с товарищи на производство золотого промысла в Сибири»¹⁰. Середина XIX века – период наивысшего финансового и общественного успеха Шехтелей.

2. БРАТЬЯ ШЕХТЕЛИ

Из иностранных фирм в Саратове выделялись три брата Шехтели. Шехтели пользовались большим уважением в обществе и были приняты в лучших аристократических домах.

Ф. В. Духовников.

Развили, усовершенствовали и удешевили производство сарпинки немецкие купцы братья Шехтель, но, занявши одновременно производством вина и золотыми приисками в Сибири, они оставили ткацкое дело. Выписанные из-за границы мастера разъехались по немецким селениям, заложив основу тонкого ткачества среди колонистов.

Е. Л. Фурман. Кооперативное производство сарпинки в немецких поселениях Поволжья

Возможно, первым домом Шехтелей в Саратове был их двухэтажный дом, выходивший своим главным фасадом на Немецкую улицу, а боковым – к Католическому собору. Это был район, где стояли дома иностранцев и колонистов, державшихся обособленно от местного населения, в некоторых источниках он называется «Немецкой слободкой». Однако очень скоро Шехтели переселились на Московской улице, поближе к Гостиному двору и «Пешке» (Пешему базару), где традиционно проживало местное русское купечество, завязали с соседями торговые, а позднее и родственные отношения.

Источником благосостояния семейства Шехтелей было производство мануфактуры и торговля всевозможными товарами – шорными и галантерейными, продукцией собственной ткацкой фабрики, импортными и собственными винами, золотыми и серебряными изделиями, саратовским табаком, обоями и даже художественными произведениями из алебастра и картинами. Товары закупались и продавались в Москве, Петербурге, Нижнем Новгороде, Саратове и даже в Красноярске и Енисейске, где у Шехтелей также имелись магазины. В Саратове им принадлежало несколько магазинов, четыре домовладения, лучшая в городе гостиница – «Номера Шехтель», ткацкая фабрика и крахмальный завод. Значительное состояние Шехтелей сделало их желанными гостями в домах местного дворянства; с ними любил проводить время даже генерал-губернатор И. М. Бибиков, правивший губернией с 1837 по 1839 год.

Нам известно о шести детях Осипа и Екатерины Шехтель. По завещанию Е. Ф. Шехтель, пятеро ее сыновей состояли «в нераздельном капитале». Антон (1811- до 1862) и Иван (1819–1844) саратовцам вообще не запомнились, видимо, они жили в Сибири.

Их сестра Александра была замужем за петербургским купцом Владимиром Карловичем Шиллем.

Младший из «саратовских» братьев Шехтелей, Осип (1822–1867), почти ребенком был отослан для учебы в Санкт-Петербург. Именно там у него родился сын – будущий архитектор Франц Шехтель.

Средний брат – Алоиз Шехтель (1818–1862) был, пожалуй, самым неприметным. В Государственном архиве Саратовской области сохранился проект дома для него на Соборной площади, выполненный архитектором Гордеевым. Примерно в 1840 году Алоиз женился на дочери местного купца Елизавете Ивановне Бровкиной¹¹, тем самым он первый нарушил неписаное правило немецких колонистов – «жениться на своих».

Эту линию в 1851 году продолжил и старший из братьев – Франц Шехтель (1806–1867), выдавший свою dochь Екатерину за купца Тимофея Жегина, обитавшего по соседству на Московской улице. Родство во многом определило судьбу следующего поколения Шехтелей, в особенности жизненный путь племянника – Ф. О. Шехтеля, вошедшего в историю мировой архитектуры под именем Федора Шехтеля (до 1915 года его тоже звали Францем Осиповичем Шехтелем). Дядюшка зодчего, активный и деятельный, а иногда карикатурно суетливый, главный виновник громкого разорения Шехтелей, хорошо запомнился саратовцам.

3. «ПОЧТЕННЕЙШИЙ Ф. О.»

Надо сказать, что почтеннейший Ф. О. имел страсть к верблюдам: он обожал этих животных вероятно потому, что несколько подходил к ним: хотя он был тщедушный и маленький, но горбатенький.

П. М. Медведев, театральный антрепренер

В саду «Шехтель» компания артистов, гг. Дирихи и Сабек, представят небывалое зрелище, составленное из 50 персон в богатых азиатских, африканских и европейских костюмах, которые на 17 роскошно убранных верблюдах сделают шествие по главным аллеям сада и потом в богато убранном Аравийском шатре исполнят аравийские игры и пляски, в чем будет участвовать хор цыган.

Из саратовских газет

Редкая затея в Саратове середины XIX столетия обходилась без «всем нам известного» Франца Шехтеля! Начиналось все с грандиозных попоек, катания на лодках и безумных фейерверков, которые Шехтели устраивали для губернатора И. М. Бибикова. Успех окрылил Франца Осиповича, тем более что его известность приносила дивиденды. От организации досуга «правильных людей» – к устройству отдыха и развлечений весьма невзыскательной саратовской публики» и дальше – к ТЕАТРУ, такой путь прошел Франц Осипович.

Не брезгал Ф. О. и личным интересом – везде организовывал буфет с винами из магазина Шехтелей (об этом пишут И. Я. Славин и П. М. Медведев). Шехтель в своей деятельности руководствовался тогдашним принципом саратовского купечества – «не обманешь – не продашь», частенько брал у знакомых деньги под залог общей с братьями недвижимости, но возвращать их не спешил или «ломал рубль», отдавая по 50 копеек за каждый рубль долга. Из-за такого рода «художеств» Франца его младшему брату Осипу в 1856 году «до погашения задолженности» был «воспрещен выезд из С.-

< Волосатая женщина «мисс Зенона Пострана», выступавшая в саду Шехтель
> Театр «Серье», построенный на месте сада «Тиволи» Франца Шехтеля

Петербурга», а их дом в Саратове описали за долги. Ф. О. Шехтель был женат на Анне Ивановне Эйферт, полунемке – полуфранцуженке, сестре известного поэта-переводчика Н. И. Эйфера. Оставаясь верным себе, часть доходов компании братьев Шехтель Франц записывал на свою жену. Об этом есть запись одного из его многочисленных кредиторов: «Анна Шехтель не имела имения и капитала, ни приданого, ни дареного и наследственного. Театр в саду и все постройки возвел муж ее на его капитал...». Справедливости ради, нужно отметить, что купчиха А. И. Шехтель была женщиной самостоятельной и прагматичной. Еще в 1850-е годы она вела деловую переписку за своего мужа, часто бывала за границей, а позже продавала патентованные американские швейные машинки «Зингер».

Мягко говоря, «почтеннейший» Франц Осипович Шехтель был фигуру небезупречной, но именно он стал первым членом семейства Шехтелей-Жегиных-Поповых, оставившего заметный след в общественной и культурной жизни России!

Еще в 1840 году, по свидетельству историка-краеведа Н. Ф. Хованского, Ф. О. Шехтель выступил в роли одного из учредителей первого в городе литературно-музыкального кружка просвещенного купечества – Немецкого танцевального клуба. «Саратовский купец Ф. О. Шехтель был старым знакомым саратовцам по сцене еще с 1840-х годов», писал хорошо знавший историю местного театра И. Я. Славин¹². В кофейне при гостинице Шехтелей собирались и дворяне, и образованные купцы, здесь вместе с кофе читали газеты, обсуждали новости, а это был смелый шаг в весьма нелиберальную эпоху Николая I.

В 1858 году Франц Осипович шестым поставил свою подпись под уставом саратовского Коммерческого клуба, преемником Немецкого клуба, сыгравшего заметную роль в общественной жизни города.

В мае–июне 1859 года Ф. О. Шехтель построил в большом загородном саду, официально принадлежавшем его жене Анне Шехтель, деревянный летний театр с партером и ложами и устроил «увеселительный сад "госпожи Шехтель", носивший также название "Тиволи"». Крошечный «храм Талии и Мельпомены», возведенный Францем Осиповичем за две недели, возможно, из-за буфета (впоследствии – театр Серье, в настоящее время Саратовский академический театр драмы имени И. А. Слонова), стал, по выражению Станиславского, «рассадником национальной культуры». В 1865 году здесь ставят «Грозу» великий драматург А. Н. Островский, годом раньше выступает трагик Айра Олридж. И это только начало блестательной полуторавековой истории театра, на подмостках которого выросла плеяда выдающихся русских актеров – от Полины Стрепетовой до Олега Янковского!

Сад и театр постепенно стали для Франца Осиповича главным делом его жизни. Очень скоро он попытался превратить сад в общегородское место отдыха и развлечений для «приличной публики». Это касалось не только возведения всевозможных деревянных беседок, эстрад, павильонов и благоустройства сада, но и зрелищной части проекта, требовавшей постоянного обновления. Фейерверки, пантомимы и цирковые выступления, хор цыган, песенники и плясуньи с табачной фабрики Штафа, военные духовые оркестры, демонстрация волосатой женщины «мисс Зеноны Постраны»,

запуски «аэростического шара» – все это поражало современников необычностью и создавало атмосферу непрерывного праздника. В саду играли в кегли и на бильярде, ели «разные кушанья по умеренным ценам», пили искусственные минеральные воды и напитки покрепче, слушали знаменитую «музыкальную машину», исполнявшую 34 мелодии и, разумеется, танцевали под звуки оркестра. Между Театральной площадью и садом братьями был устроен маршрут из четырех «омнибусов», по 10 копеек серебром с персоны. «Приятно было приехать в сад «Шехтель», – писал современник, – даже не ради театра и танцев, а просто насладиться чистым воздухом и послушать музыку».

Возможно, сад «Тиволи» Франца Шехтеля стал для двух юных саратовцев – его племянника Ади Шехтеля и гимназиста Миши Лентовского – прообразом самого масштабного и зрелищного проекта России 1880-х, который они блестяще реализовали в московском саду «Эрмитаж».

Шехтель не остановился на достигнутом. В октябре 1859 года переоборудовал под маленький театральный зал, разумеется, с буфетом, часть гостиничных номеров в своем доме на Московской улице. «По окончании спектаклей многие из публики и актеров оставались ужинать в шехтельевском буфете», – вспоминал П. М. Медведев. В этом зальчике гастролировали самые разнообразные артисты: танцовщицы, фокусники, демонстраторы механических картин и различных опытов, в 1871 году здесь дебютировали братья Никитины, основатели русского национального цирка. В начале 1860-х Франц Осипович устроил «залу» для представлений и в доме Шехтелей на Б. Сергиевской улице. Ему явно нравилось создавать в городе что-то новенькое, нравилось удивлять и поражать саратовского зрителя. Иногда из этого выходил конфуз.

В июле 1863 года в город был взбудоражен, ожидая прибытия наследника престола, 20-летнего Николая Александровича. Помня об успехе в 1837 году, Франц Осипович решил поразить его любой ценой и переусердствовал. Ложа молодого человека в летнем театре была уставлена гипсовыми статуями из магазина Шехтелей и пальмами в кадках. Но главное Франц Осипович припас «на сладкое»! Как пишет П. Медведев, в антракте все свои затеи Ф. О. пустил в ход одновременно: в небольшой сад ввели сразу двадцать пять его любимых верблюдов, «песенники запели, плясуньи заплясали, фейерверк затрещал, верблюды заревели и обрызгали публику. Верблюды ее давили. Поднялся крик, оханья и стоны. Наследника это действительно поразило и напугало. Князь Щербатов бедному Шехтелю сделал выговор». Наследник престола Николай Александрович через два года скоропостижно скончался (в письме ироничного Жегина есть такая строчка: «...наследник помре... опять не торговать!»). Шехтели и впоследствии не раз оказывались в поле зрения царской семьи. Коронационные торжества при восшествии на престол императоров Александра III и Николая II оформлял Федор Шехтель.

К 1865 году финансовое положение крупнейшей некогда компании братьев Шехтелей серьезно ухудшилось. Они проиграли в конкуренции с многочисленными производителями мануфактуры в немецких колониях, потерпели неудачу в добыче золота в Сибири. Кредиторы преследовали «почтеннейшего».

- > Осип Осипович и Дарья Карловна Шхетели, родители зодчего
- ▽ Приходская церковь Св. Екатерины на Невском проспекте, в которой был крещен будущий зодчий
- ▽ Семья Осипа Шхетеля накануне переезда в Саратов. Будущий зодчий стоит справа от отца. Санкт-Петербург, 1865

И самое неприятное: в Саратове заканчивалось строительство Городского театра, по тому времени одного из лучших театральных зданий Российской Империи, «не в пример лучше Малого театра в Москве». А это прямо угрожало существованию загородного театра Шхетеля! К этому времени братья Иван, Антон и Алоиз уже умерли, а старший Франц несколько лет серьезно болел. Но в голове Франца Осиповича созрел неординарный выход из этой ситуации! Осенью 1865 года первым антрепренером Саратовского городского театра неожиданно для всех (а возможно – и для себя) стал его младший брат – тихо и мирно живший в Петербурге со своим семейством инженер-технолог Осип Осипович Шхетель!

4. ИНЖЕНЕР-ТЕХНОЛОГ ОСИП ОСИПОВИЧ ШХЕТЕЛЬ

Сын саратовского 3-ей гильдии купца Осип Осипов Шхетель... выпущен со званием ученика мастера. Воспитанник сей, освобождается от подушного оклада, поступления в рекрутчи и телесного наказания, кроме как по судебному приговору; на него не возлагаются обязанности записываться в торговые разряды, если сам не будет заведовать торговли или фабрики; ему дозволяется производить работы без записи в цехах. Сими правами пользуются и дети его, если пойдут по стезе его...

Из паспорта О. О. Шхетеля, выданного ему 31 июня 1851 г. в С.-Петербурге¹³.
Ткацкая фабрика находилась под наблюдением младшего брата Шхетеля, кончившего полный курс в С.-Петербургском технологическом институте.

Ф. Духовников

«Желая способствовать распространению и прочному устройству мануфактурной промышленности в Империи нашей, признали Мы за благо учредить в Санкт-Петербурге Практический Технологический институт...», – писал император Николай I в Именном указе Сенату. Официальное открытие этого знаменитого института состоялось в 1831 году. Спустя несколько лет сюда поступил юный «сын саратовского 3-й гильдии купца Осип Осипов Шхетель», отец зодчего. Воспитанники, обычно в возрасте от 12 до 15 лет, еще при поступлении должны были продемонстрировать достаточное знание русского языка. Этим Осип Шхетель отличался от своей матери. Русские тексты вместо нее «за неумением ея русской грамоте» обычно подписывались сыновьями Францем или Алоизом.

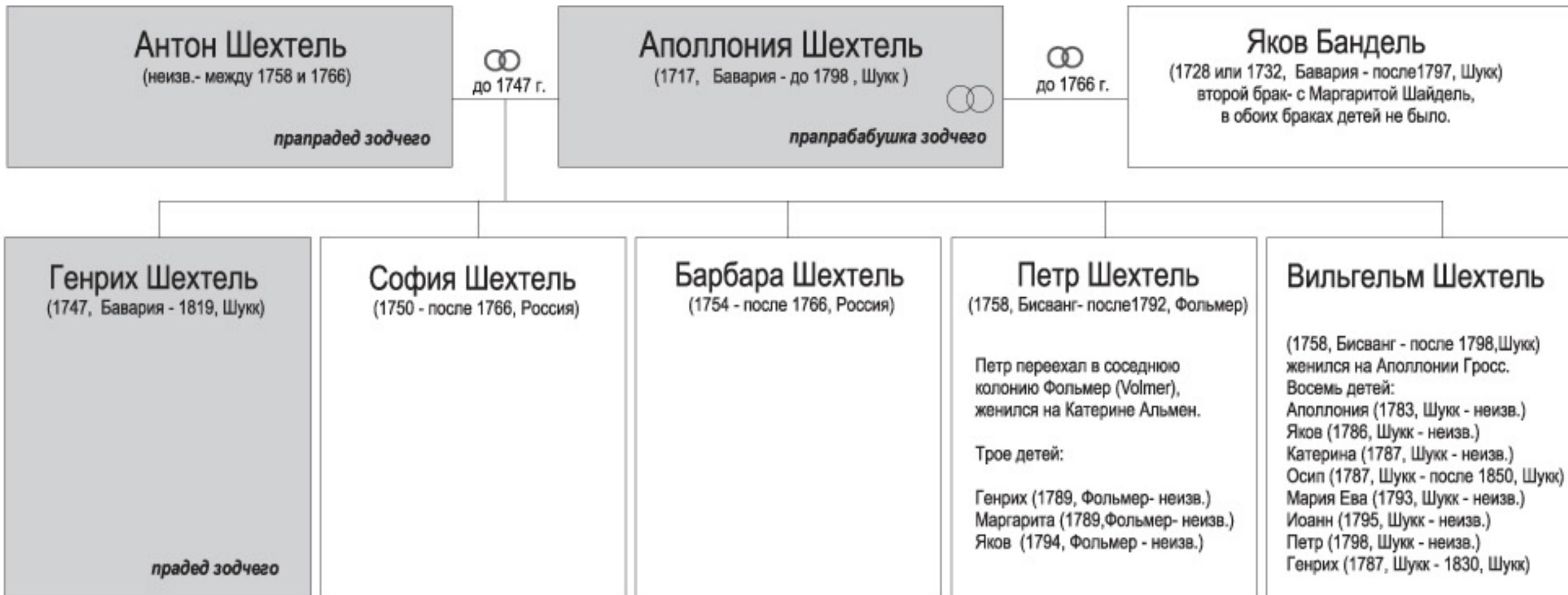
Обучение в институте было двухклассное, причем на каждый класс отводилось по три года. Воспитанники получали серьезные навыки практической работы в мастерских, оборудованных новейшими станками из Европы, теоретическая подготовка по основным дисциплинам также была «заточена» под мануфактурное производство. Здесь же преподавался серьезный курс черчения и рисования. Осип Шхетель окончил институт в 1841 году¹⁴ (пятый выпуск) «с совершенным успехом» и был «выпущен со званием ученого мастера (№3928)». В 1849-м в связи с изменением статуса института, это звание было заменено для него на звание «инженер-технолог». С 1863 года в стенах Технологического института работал профессор Д. И. Менделеев, великий химик, открывший как раз в эти годы «Периодический закон».

В этом же институте обучались и племянники О. О. Шхетеля. Осип Иванович Шхетель окончил Санкт-Петербургский Технологический институт в 1857 году. Леонгард Алоизович Шхетель в 1856 году обучался в институте, а в 1859 году продолжил обучение в Дрездене.

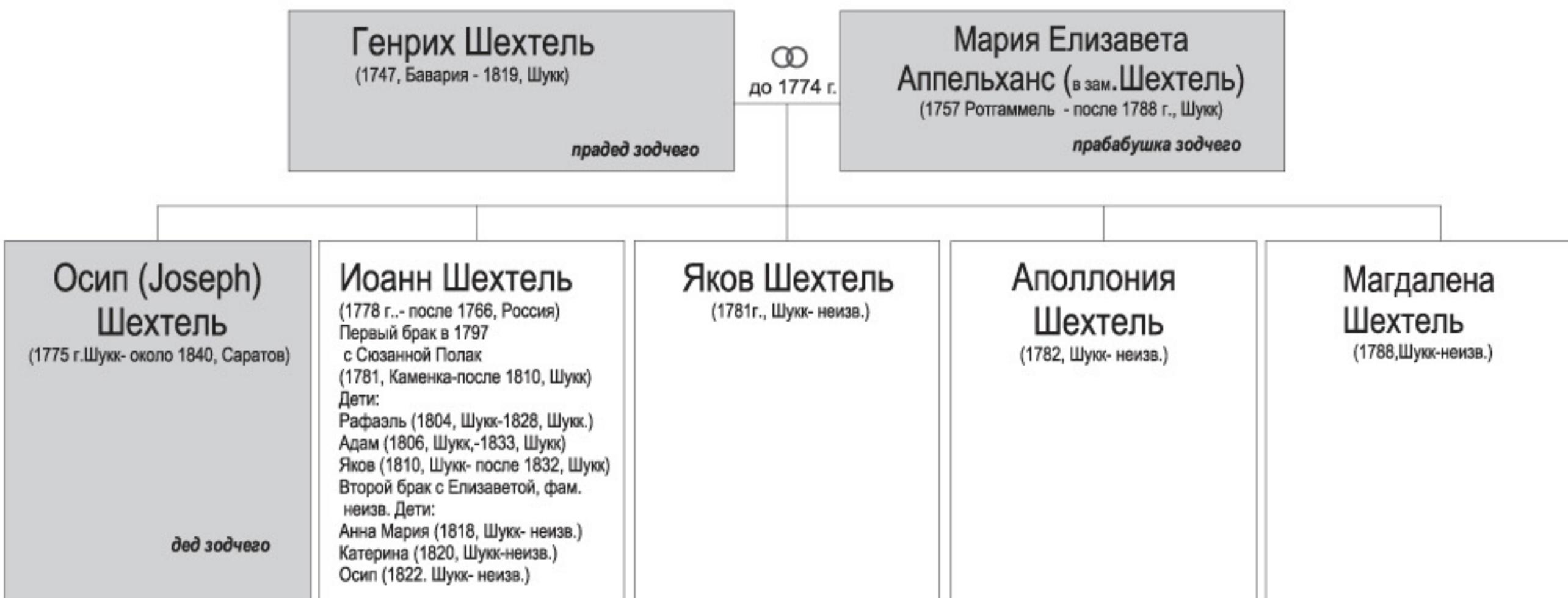
После окончания института Осип Осипович остался в Петербурге, где находилась крупнейшая таможня Российской Империи.

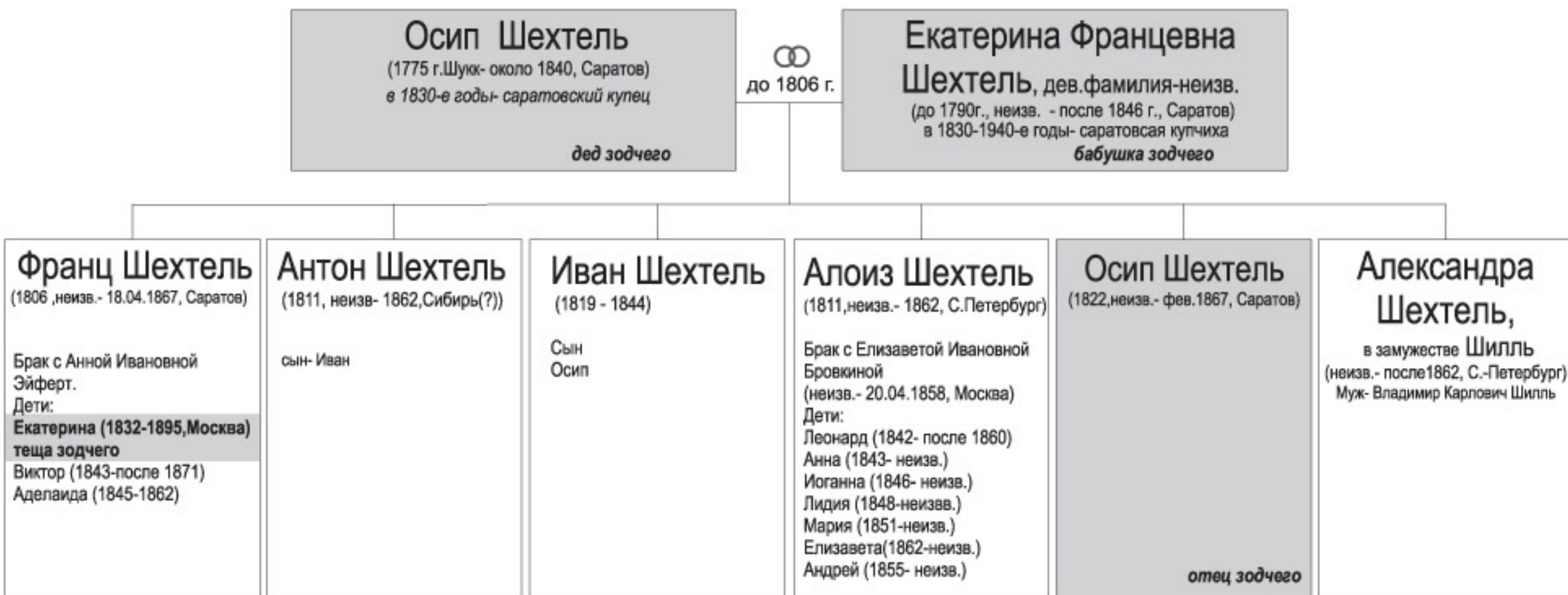
СЕМЬЯ АНТОНА ШЕХТЕЛЯ (ПРАПРАДЕДА ЗОДЧЕГО)

СЕМЬЯ ГЕНРИХА ШЕХТЕЛЯ (ПРАДЕДА ЗОДЧЕГО)

СЕМЬЯ ОСИПА ШЕХТЕЛЯ (ДЕДА ЗОДЧЕГО)

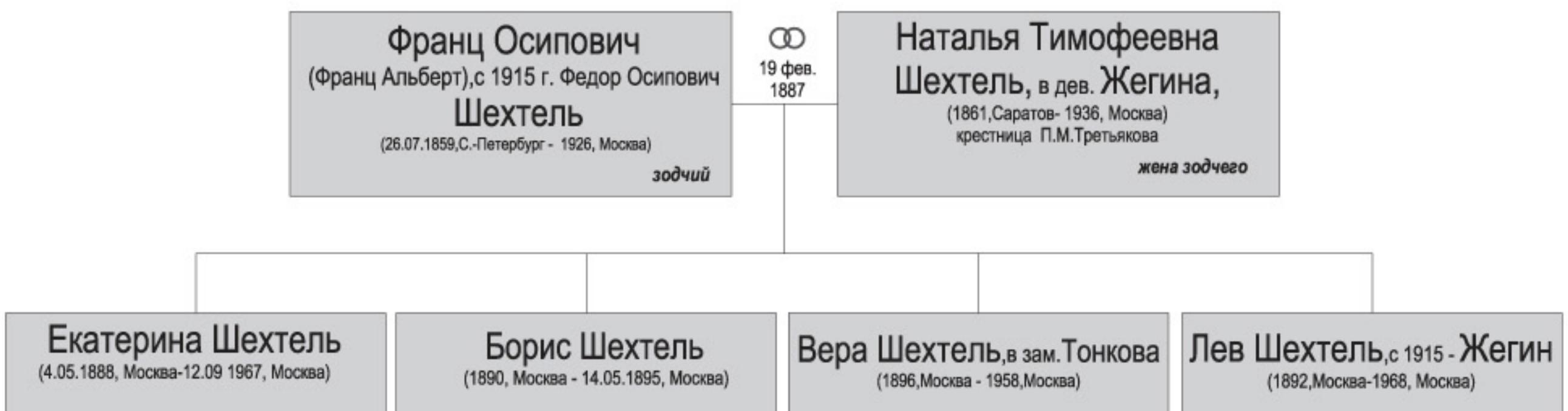
СЕМЬЯ ОСИПА ШЕХТЕЛЯ (ОТЦА ЗОДЧЕГО)

СЕМЬЯ ТИМОФЕЯ ЕФИМОВИЧА ЖЕГИНА (ТЕСТЯ ЗОДЧЕГО)

СЕМЬЯ ФРАНЦА ШЕХТЕЛЯ (ЗОДЧЕГО)

- Λ Инженер-технолог Осип Осипович Шхектель, отец зодчего
- ∨ Городской театр, первым антрепренером которого в 1865–1867 годах был отец зодчего – О. О. Шхектель

Не только иностранные товары для магазинов Шхектелей, но и хлопок-сырец для производства сардинки ввозились через эту таможню. Периодически Осип выезжал в Нижний Новгород на ярмарку и в Саратов для наблюдения за ткацкой фабрикой и крахмальным заводом. По документам 1855 года он значится как «петербургский купец инженер-технолог, поверенный саратовского купца I-ой гильдии Ф. О. Шхектеля».

9 февраля 1855 года Осип Шхектель женился на Розалии Доротее (Дарье Карловне) Гетлих¹⁵. В Петербурге у них родились дети Осип (1858), в 1859 году родился Франц Альберт – будущий великий русский зодчий Федор Шхектель, затем Александрина Евгения (1860), Юлия (1862) и Мария (1863).

Франц Альберт, а по-домашнему – Адя Шхектель был крещен в знаменитой церкви Св. Екатерины на Невском проспекте, о чем сохранилась такая запись: «1859 года сентября 27 дня, священником Доминиканского ордена Лукашевичем, окрещен младенец по именам Франц Альберт, родившийся июля 26 сего же года законный сын технолога-инженера Иосифа Шхектеля и жены его Доротеи, урожденной Гетлих. Воспреемниками были почетный гражданин Франц Гетлих и жена надворного советника Мария Шишко»¹⁶. Между прочим, всего двадцатью двумя годами раньше в этой церкви католик Данте венчался с девицей Е. Н. Гончаровой....

Как уже упоминалось, решение об антрепренерстве Осипа Шхектеля было принято в Саратове. Этому предшествовала серьезная закулисная работа, проделанная в городе его братом Францем и членом Комитета по постройке театра, гласным городской Думы Т. Е. Жегиним, чья безупречная репутация служила своеобразной гарантией для городских властей. Первоначально, в октябре 1865 года, от имени Осипа Шхектеля его брат Франц заключил два разных договора сроком на пять лет. Один договор – с городом на аренду Городского театра. Второй договор – «почтеннейший» заключил с собственной супругой А. И. Шхектель (!) на аренду театра в саду «Шхектель» в летние месяцы. Условия этого второго «домашнего договора» оказались на удивление выгодными для Анны Ивановны (доходы от сада и торговли буфетом шли А. И. Шхектель, труппа театра не имела права выступать в эти месяцы в Городском театре и т. п.)!

Подпись Осипа Осиповича Шхектеля появилась на договорах лишь 22–23 февраля 1866 года, когда он прибыл в Саратов со своим семейством. К этому времени в уже открытом Городском театре давала представление его труппа. Тем не менее, именно отцу зодчего суждено было стать первым и одним из лучших антрепренеров саратовского Городского театра.

5. ПЕРВЫЙ АНТРЕПРЕНЕР ГОРОДСКОГО ТЕАТРА

Преемники Осипа Шхектеля приняли театральное дело в Саратове на ходу. Открытие же театра и его первые шаги перед саратовской публикой выпали на долю антрепризы Шхектеля.

И. Я. Славин

На сцене обязуюсь я, Шхектель иметь все время содержания театра полную и лучшую драматическую труппу артистов и приличный оркестр музыки, так чтобы публика была довольна.

Из договора О. О. Шхектеля с Городской Думой от 23 февраля 1866 г.

Изначально стать антрепренерами Городского театра пожелали лица, давно известные саратовским театралам¹⁷. Среди них – любимицы саратовской публики П. М. Медведев, К. Ф. Келлер (по сцене – Берг)¹⁸, а также «иностраница Шмитгоф», урожденная Пиунова, та самая, которая играла Катерину в 1865 году, когда Саратов посетил А. Н. Островский. Выбирать было из кого. Поэтому приглашение инженера-технолога из Петербурга на роль театрального антрепренера выглядело поначалу нелепо. Тем не менее, результаты директорства Шхектеля превзошли все ожидания, и долгое время служили своеобразным эталоном для последующих антреприз.

Дело в том, что провинциальные антрепренеры XIX столетия по бедности вынуждены были брать на себя весь круг обязанностей по театру – от режиссуры и репертуара до распространения

билетов и мелких хозяйственных вопросов. Обычно хорошо получалось что-то одно. В антрепризе Шехтеля сам он, по сути, выполнял роль директора, организатора театрального производства, подобно тому, как он налаживал мануфактурное производство на фабрике Шехтелей.

Вопросы режиссуры в антрепризе Шехтеля возлагались на очень популярного в то время в Саратове К. Ф. Берга, крупнейшего провинциального комического актера, работавшего впоследствии в Малом театре в Москве. Театральные представления периода антрепризы Шехтеля серьезно отличались от современных. Пьес в одном представлении шло две – «серьезная» и водевиль или оперетка, а антракт между ними был нередко интереснее основной части. Антракт длился 30–40 минут, опускался занавес, и пока за ним переставляли громоздкие декорации, а артисты репетировали отдельные сцены, на авансцене царила атмосфера «капустника». Актёр В. Н. Давыдов вспоминал, что в антракты он «анекдоты рассказывал и романсы пел, и фокусы показывал, танцевал польку и канкан, и еврейский танец».

В чем же была заслуга собственно О. О. Шехтеля? Подводя итоги его антрепризе, длившейся всего один год (!), историк Саратовского театра И. Я. Славин не мог удержаться от удивления – было поставлено 35 спектаклей, из них 20 – новых (это означало, что придумывались и шились новые костюмы, создавались новые декорации и реквизит). Среди новых спектаклей – сложнейший с точки зрения оформления «Князь Серебряный» А. Толстого (кстати, так в шутку величали Т. Е. Жегина его близкие друзья Павел Михайлович и Сергей Михайлович Третьяковы). Скорость, с которой оформлялись и ставились новые спектакли в театре Шехтеля, невольно наводит на параллели с легкостью и темпами работы его сына в антрепризе знаменитого Лентовского, «мага и волшебника Москвы»!

Саратовский театр в 1866 году выгодно отличался не только от театров в провинции, но и от императорских театров, где «декорации составлялись из старья, а костюмы поражали своей ветхостью» и «все пахло презрением, неумолимым презрением к русскому театру и русским талантам». В театре Шехтеля, напротив, «каждая пьеса была обставлена помпезно с принадлежащими к ней декорациями и костюмами».

Несмотря на скорость появления спектаклей, качество премьер вызывало удивление у критиков. Вот, например, что писалось о премьере «Марии Стюарт»: «Постановка пьесы делает честь антрепренеру. От декораций, костюмов до мелочей, все было прекрасно, верно эпохе происшествия, отличалось вкусом и возможною роскошью. Ничто не оскорбляло глаза, ничто не вызывало иронической улыбки; словом, пьеса была поставлена обдуманно хорошо и антрепренер заслужил искреннюю ему благодарность...»

К сожалению, в 1860-е годы посещение театра еще не было для большинства саратовцев явлением общепринятым. Современник писал о Саратовском театре: «... у нас так вышло, что маскарады в трактирах посещаются усердно и творится в них «пир горой», а наш театр, имеющий все средства и всеми силами старающийся доставить публике истинно эстетическое наслаждение, – дает свои спектакли почти что перед пустыми креслами». Трудно было изменить нравы обывателей, ездивших в театр только на Святки и на Масленицу. Не всегда везло с погодой, от которой зависел открытый театр в саду «Шехтель» (дорога к летнему театру тогда была немощеной). Сохранилось объявление в газете, которое дал отец зодчего: «Директор театра имеет честь известить почтеннейшую публику, что спектакли в саду «Тиволи» отменятся не будут, несмотря на дурную погоду и на малый сбор. Директор О. О. Шехтель».

Накануне нового 1867 года Осип Шехтель задумал провести в Городском театре «маскарады с елкой и аллегри». Ленивый саратовский зритель не пошел. В феврале 1867 года О. О. Шехтель скончался. В рабочем кабинете его сына, архитектора Шехтеля в Москве, в Ермолаевском переулке висел портрет отца. Рукой зодчего на обороте была сделана надпись: «Осип Шехтель».

Умер 45 лет, простудившись на пожаре в театре». Вспоминая рассказы Федора Шехтеля, его дочери запишут потом: «... детство провело в Саратове, где у отца Федора Осиповича был сад и театр, который надолго после смерти своего хозяина сохранил название Шехтельского сада. Театр этот приносил больше убытков, чем прибыли, и после смерти Осипа Осиповича остались одни долги».

В марте 1867 года газета «Саратовский справочный листок» подвела итог недолгой антрепризе Шехтеля: «Покойный Осип Шехтель не жалел ни трудов, ни денег для того, чтобы наш театр был действительно театром, а не балаганом. Труппа, которая находилась на нашем театре в минувший сезон, была, бесспорно, хорошо составлена и занимала видное место в ряду провинциальных трупп. Пьесы ставились всегда удовлетворительно, а многие даже очень хорошо. Мы не видели ни сальных костюмов, ни разорванных полиняльных декораций, – словом, ничего такого, что бы оскорбляло бы вкус и вызывало горькую улыбку сожаления. За все это мы должны сказать доброе слово в память покойного».

6. 1867 ГОД: РАЗОРЕННИЕ ШЕХТЕЛЕЙ

Шехтели лишились всего своего состояния от неудачного предприятия: они вздумали добывать в Сибири золото, почему один из братьев поселился в Красноярске. На присках Шехтели потратили весь свой капитал и влезли в большие долги. Дома их продаются с аукциона.

Ф. Духовников

За скорым отъездом продается весьма дешево новый большой концертный рояль фабрики Шиллера. О цене узнать на Сергиевской улице в доме Шехтель.
Саратовский справочный листок. № 99 за 1867 г.

Смерть Осипа Шехтеля в феврале 1867 года была тяжелейшим ударом для его семьи. Опекунство над семьей и театральной антрепризу взял на себя старший брат Франц Осипович Шехтель. Внешне все выглядело благопристойно, о действительном положении дел знала только его жена и смутно догадывались кредиторы.

К этому моменту уже четыре года Франц Осипович серьезно болел, его имущество было «засеквертовано и опечатано полицией», но привычка «живь на широкую ногу» осталась. Франц скончался через два месяца после смерти брата, утром 18 апреля 1867 года. Почти сразу после смерти Франца Шехтеля выяснилось, что он оставил в наследство одни долги. Так, будучи опекуном «подкидыши Н. Николаева, наследника генерал-майора Давыдовского», Шехтель ухитился полностью растратить все его состояние, взял деньги в долг у брата своего зятя – Семена Жегина, а за две недели до смерти осуществил последнюю «затею»: занял 3000 рублей серебром у коллежского секретаря М. К. Клингена.

В сложившейся ситуации прозорливая А. И. Шехтель уже на следующий день после смерти мужа (!) продала своему зятю Т. Е. Жегину принадлежавшую ей театральную мебель и спешно распродала движимую часть имущества, частично погасив долги Франца Осиповича. После этого она и ее сын Виктор отказалась от всех прав на долю в наследстве Шехтелей (фактически – от огромных долгов покойного Ф. О.) и от опекунства над семьей Дарьи Карловны с детьми. Она выдала Т. Е. Жегину доверенность на продажу своего загородного сада с театром и в начале мая уехала в Москву. Жегин продал 2 июня 1867 года сад «иностранные Аделаиде Сервье». В этот момент выяснилось, что «сюрпризы» покойного Ф. О. продолжаются, и он успел взять денег в долг и под залог сада «Шехтель»! Из вырученных денег Жегин погасил этот долг, составивший с процентами около четырех тысяч рублей, почти всю стоимость сада.

Денежные претензии от разных лиц к покойному Ф. О. Шехтлю составили три тома в Полицейском управлении и превысили 30 тысяч рублей. Особенно не повезло Н. Николаеву, из средств которого находчивый Ф. О. Шехтель изъял в общем сложности двадцать одну с половиной тысячи¹⁹. Чтобы погасить долги Франца Осиповича хотя бы частично, в сентябре 1873 года были проданы с торгов дома Шехтелей на Московской (Семья покойного Осипа Шехтеля проживала там до осени 1871 года).

Из движимого имущества, оставшегося после смерти Осипа Шехтеля, Дарья Карловна наследовала театральный реквизит. По описи значилось 258 позиций и кроме «б дубового дерева готических стульев» вдове инженер-технолога предстояло продать весьма курьезные вещи: «Шубку вишневого полубархата, обшитую кошачьим мехом, ботфорт одиннадцать штук, чалмов десять штук и фесочку одну, лат глазетовых 10 штук, штаны русские хохлатские одни, рубашку римскую голубую коленкоровую, штанки люстриновые коричневые короткие одни, грудей 20 штук и один горб». Покупателей нашлось немного, и, в конце концов, она продала все за бесценок преемникам О. Шехтеля – К. Ф. Бергу и его новому директору Глазенкапу.

Спустя каких-то тринадцать лет после смерти инженер-технолога его вдову и детей утвердили в правах наследников братьев Шехтелей, так как другие наследники на вызов не явились. 16 сентября 1880 года в их собственности оказался дом на Б. Сегиевской улице, бывший во владении Шехтелей с 1841 года. Здание это снесли накануне XXI века.

7. ДАРЬЯ КАРЛОВНА ШЕХТЕЛЬ И ТИМОФЕЙ ЕФИМОВИЧ ЖЕГИН

«... малолетние мои дети находятся в бедственном положении без необходимого по званию их образования и окклюпировки, а возраст некоторых моих детей требует уже учения. Между тем я как не имевшая после мужа моего к тому средству, желала бы для пользы детей по обязанности матери поместить их в какое-либо казённое учебное заведение...»

Из прошения Д. К. Шехтель в марте 1868г.

«Я Вас попрошу переговорить с той дамой, которую Вы рекомендовали как хорошую экономку. Мы решаемся предложить ей поступить к нам в дом, несмотря на то, что у неё её характер дурной, по крайней мере, она может устроить нас более чем простая женщина, водящая компанию с дворней... нам нужна такая особа, которая смотрела бы за порядком, за любьми и наблюдала за погребом, подвалом, кухней, прачечной, и что если она согласится обедать с нашего стола, только в другой комнате... Лучше заранее сказать, а то она, может быть, дурно смотрит на это. Жалованье она, кажется, просит 15 рублей серебром... Разумеется, что проезд ее будет за наш счет... попросите её приехать в Москву к 12 сентября.

Из писем В. Н. Третьяковой к Е. Ф. Жегиной касательно переезда Д. К. Шехтель в Москву, в дом Третьяковых, август 1871 года²⁰

Дарья Карловна Шехтель, мать зодчего, по прибытии в Саратов, занималась своими детьми, была начальницей над многочисленной домашней прислугой женского пола, а 24 июня 1866 года родила третьего сына, крещенного под именем Виктор Иоанн. Крестными были свояченица Анна Ивановна Шехтель и муж племянницы И. А. Топениус, что косвенно указывает на то, что связями и знакомствами в городе Дарья Карловна не обзавелась. Полное непонимание реального положения дел и гремучая смесь из мнительности и властности усилили незавидное положение, в котором она оказалась с шестью маленькими детьми в начале 1867 года. В тот самый момент, когда после смерти своего супруга Анна Ивановна Шехтель спешно распродавала движимую часть имущества, чтобы погасить долги хотя бы наиболее близким Шехтелям людям, Дарья Карловна, уже тогда находившаяся в стесненных обстоятельствах... встала в очередь и купила у свояченицы «лошадь со сбруею, долгушу и городовые сани»(!).

Дарья Карловна понапацу незаконно попыталась продать общую собственность Шехтелей – дома братьев на Московской. Но суммы исков кредиторов превышали оценочную стоимость домов, это делало продажу невозможной. Опекуны, назначенные ей в помощь, под разными благовидными предлогами от опекунства отказывались. Дарья Карловна буквально засыпала Саратовский сиротский суд своими требованиями. В короткий срок она ухитрилась рассориться со всеми родственниками мужа, не останавливаясь и перед публичными скандалами. Положение было патовое – известный на весь город благотворитель Жегин, на иждивение к которому в итоге попадали все сироты-Шехтели, не мог помочь детям Осипа Шехтеля из-за неприязненного отношения Дарьи Карловны к нему и его теще А. И. Шехтель. Такая ненормальная ситуация длилась почти пять лет!

Больше всех не повезло тем детям Осипа Шехтеля, судьбу которых его вдова попыталась устроить самостоятельно.

Старшего сына – Осипа, она отправила за сорок верст от Саратова в степь, учиться на землемера на казенный кошт в Мариинс-

кое землемельческое училище в Николаевском городке. После его окончания Осип Шехтель занимался «письмоводством и чертежной работой по вольному найму» в Строительном отделении Саратовского губернского правления. В 1879-м принял православие, спустя три года женился на девице В. М. Алексиевой, в 1885 получил звание «личного почетного гражданина». В Государственном архиве Саратовской области сохранился выполненный им чертеж по перестройке «Приволжского вокзала Ивановой». По данным Л. Сайгиной, после 1895 года Осип переехал в Москву к брату, служил сначала техником, а позднее бухгалтером в «Технической конторе Бари», где работал великий инженер В. Г. Шухов.

Младший сын – Виктор в возрасте двух лет был переведен матерью в евангелическо-лютеранскую веру²¹ и отдан в Петербург в семью статского советника Фердинанда Карловича Дейча. 27 января 1875 года, по Указу императора Александра II, Виктору было «соизволено принять фамилию его воспитателя». Виктор Осипович Дейч (Шехтель) окончил Институт гражданских инженеров, успешно занимался преподавательской деятельностью, с 1900 года был деканом Инженерно-строительного отделения Варшавского политехнического института. Он занимался вопросами мелиорации юга России, издал две книги: «Гидротехнические работы» (1893) и «Опыт регулирования и использования водной системы степей» (Санкт-Петербург, 1898). В несколько искаженном виде эту историю изложила дочь зодчего: «... положение было настолько тяжелым, что двух младших сыновей отдали чужим людям. По непроверенным данным один из них стал впоследствии архитектором по фамилии Дейч».

Возможно, у знакомых росла и старшая дочь Осипа Осиповича – Александра. Она вышла замуж за симбирского мещанина и в дальнейшем проживала на родине В. И. Ленина под фамилией Гейнке.

Остальные дети продолжали жить в доме на Московской улице с матерью, где с 1867 года получали домашнее образование. На приглашенных учителей была потрачена часть мизерных сумм, выданных Саратовским сиротским судом.

Переезду Д. К. Шехтель в сентябре 1871 года в Москву предшествовала серьезная дипломатическая игра. Е. Ф. Жегина рекомендовала ее своей подруге В. Н. Третьяковой. Вера Николаевна пришла в замешательство от амбиций и норовы вдовы инженер-технолога. Дарья Карловна и в самом деле деликатностью не отличалась. Тем не менее, она все-таки была приглашена, поскольку была «родственницей Жегиних». Как ни странно, она оказалась на своем месте в доме Третьяковых и стала «фактическим членом семьи». По данным, выявленным Л. Сайгиной, Д. К. Шехтель служила у них экономкой до 1878 года – пока позволяло здоровье. Лечил ее, кстати, друг ее сына – молодой врач Антон Павлович Чехов. В шутливом завещании «на мать, палочку и кастрюльку» Федор Шехтель пишет о ней А. П. Чехову: «57-летняя мамаша характера 56 пробы»²².

За свою работу у Третьяковых Д. К. Шехтель получала от 406 до 425 рублей в год²³. Эти суммы можно сопоставить со стоимостью обучения ее сына Франца в гимназии (около 300 рублей в год). Если к этому прибавить стоимость годового обучения двух ее дочек, причисленных «к воспитанницам, учившимся на счет родителей, родственников и воспитателей» в Мариинском институте (по 250 рублей в год), вывод напрашивается сам собой. Трудоустройство Дарьи Карловны и забота о достойном образовании для ее детей дело рук одного человека – Потомственного почетного гражданина, купца I-й гильдии Тимофея Ефимовича Жегина.

Этот выдающийся человек сыграл во многом определяющую роль в судьбе будущего зодчего. Жегин заслуживает отдельной книги, столь многосторонними и благотворными для Саратова были результаты его короткой жизни. Ближайший друг П. М. Третьякова, знакомый Герцен, «первый богач края», инициатор строительства Нового Гостиного двора в Саратове, основатель Александровского ремесленного училища и Коммерческого собрания, крупнейший благотворитель города, активнейший участник либерально-демократического движения в городе – вот неполный перечень того, чем запомнился Жегин саратовцам. На него постоянно писались доносы

в III Отделение и одновременно его награждали орденами и всяческими званиями. В семействе Павла Третьякова бережно хранили все, что было связано с памятью его рано ушедшего друга. В 1862 году, после смерти Алоиза Шехтеля, Жегин принял на себя все заботы и расходы о его несовершеннолетних детях. По-видимому, он же помог и сиротам Осипа Шехтеля. Возможно, к юному Францу Шехтелю Жегин отнесся по-особенному. Его сын, одногодок Франца, умер ребенком²⁴.

1 августа 1871 года Жегин определил Юлию и Марию Шехтель в Саратовский Мариинский институт благородных девиц²⁵, в котором учились и его собственные дочери. Жегин состоял казначеем этого института на добровольных началах. Институтка Юлия Осиповна Шехтель «скончалась от слабости» в январе 1878 года и была похоронена в Саратове. Мария Шехтель, в замужестве Гельд, закончила Мариинский институт в том же 1878 году и проживала в Саратове. Ну а сам будущий зодчий был определен в Саратовскую мужскую гимназию.

8. САРАТОВСКАЯ ГИМНАЗИЯ И ТИРАСПОЛЬСКАЯ СЕМИНАРИЯ

Явился я к зданию гимназии, ветхому мрачному зданию, ровно в половине девятого, отпиралась же гимназия, вследствие каких-то высших соображений, только без четверти девять, т. е. за пятнадцать минут до начала уроков...

К. В. Тхоржевский. Маленько воспоминание. Хроника

С отъездом матери в Москву для будущего зодчего, получавшего до той поры домашнее образование, начался период обучения в казенных учебных заведениях. Живой и непоседливый, схватывавший все на лету, Шехтель в юные годы демонстрировал редкостную неспособность к ежедневной рутинной зубрежке и получению казуистических знаний. В итоге, в каждом учебном заведении он выделялся только по два года!

Осенью 1871 года Франц Шехтель стал учеником второго класса знаменитой Саратовской мужской гимназии – только она тогда давала среднее образование. В этих стенах преподавал Н. Г. Чернышевский, учились многие выдающиеся саратовцы: химик Н. Н. Зинин, врач Г. А. Захарьин, эпидемиолог Г. Н. Минх, ботаник С. Г. Навашин (он учился несколькими классами старше Шехтеля), изобретатель «электрической свечи» П. Н. Яблочкин, видный театральный деятель М. В. Лентовский. Гимназия считалась одной из лучших в учебном округе, и ее выпускники без экзаменов принимались в Казанский университет.

Университет сыну инженер-технолога не светил, потому что почти по всем предметам, включая немецкий язык (!), он имел «балл душевного спокойствия», или «удовлетворительно», и только по чистописанию и поведению – «хорошо». Знания по латыни и арифметике оказались недостаточными, и юный Шехтель был оставлен «для повторного обучения»²⁶, это было обычным явлением. Тогда же учившийся в гимназии писатель К. В. Тхоржевский вспоминал: «...когда я был в 4 классе, истекал седьмой год моего пребывания в гимназии, и мне минуло уже семнадцать лет». Следующий, 1872/73 гимназический год прошел для Шехтеля успешнее. «Атеист с детства» стал отличником по священной истории, получил «хорошо» по русскому и «удовлетворительно» по всем остальным предметам. Количество прогулов возрастало с каждой учебной четвертью и достигло 85 за февраль и март 1873 года. Тем не менее, Франц Шехтель по итогам года был переведен в третий класс²⁷. На этом его пребывание в гимназии закончилось, и об учебе этой он никогда больше не вспоминал.

Как раз осенью 1873 года, благодаря стараниям Жегина, открылось Александровское ремесленное училище. Многие гимназисты, в том числе и из класса Шехтеля, перешли в училище, где была более демократическая учебная программа, отсутствовал ненавистный латинский язык. Однако Шехтель был уготован другой путь – с 26 августа 1873 года он стал одним из воспитанников Приготовительного училища при Тираспольской римско-католической епархиальной семинарии, которая «временно и на первый раз»²⁸ была открыта в Саратове и пробыла там до самых последних дней своего существования. Под ее «временное» пребывание в Саратове архитектор К. В. Тиден капитально перестроил в 1866–1867 годах дом

▲ Тимофей Ефимович Жегин,
саратовский купец 1 гильдии, друг
П. М. Третьякова, Потомственный
почетный гражданин

▼ Александровское ремесленное училище. Училище основано Т. Е. Жегиным
в 1873 году.

А. Магазин Шехтелей
с винным погребом
Б. Госиница Шехтелей
В. Дом Шехтелей

1

6

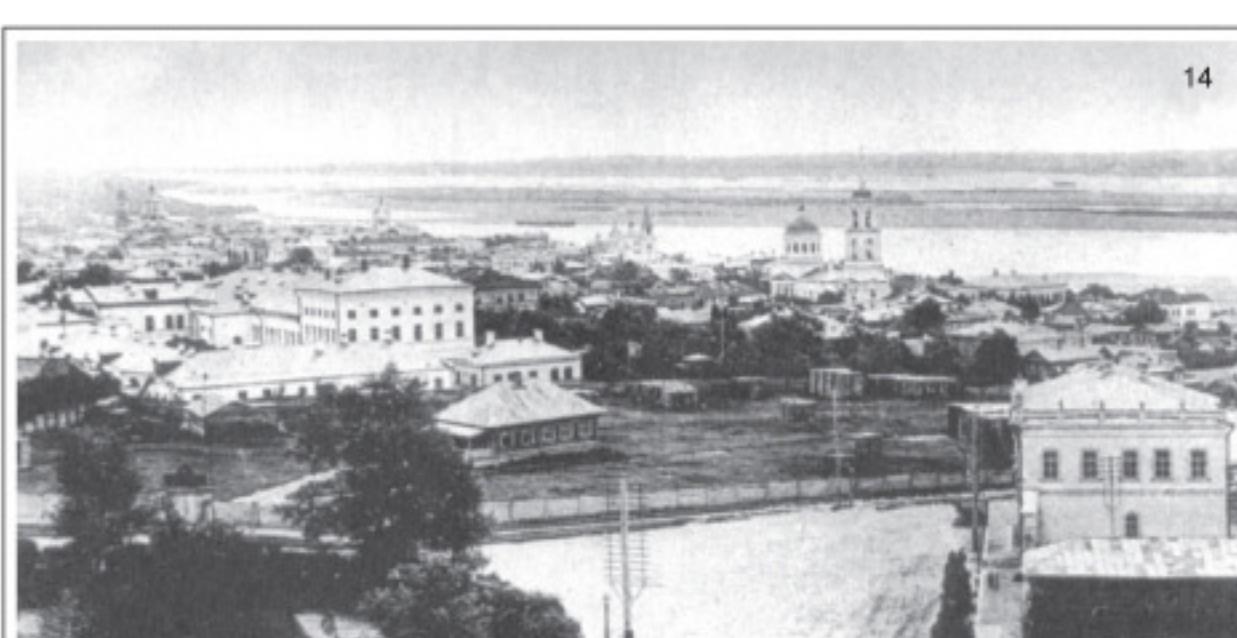
8

10

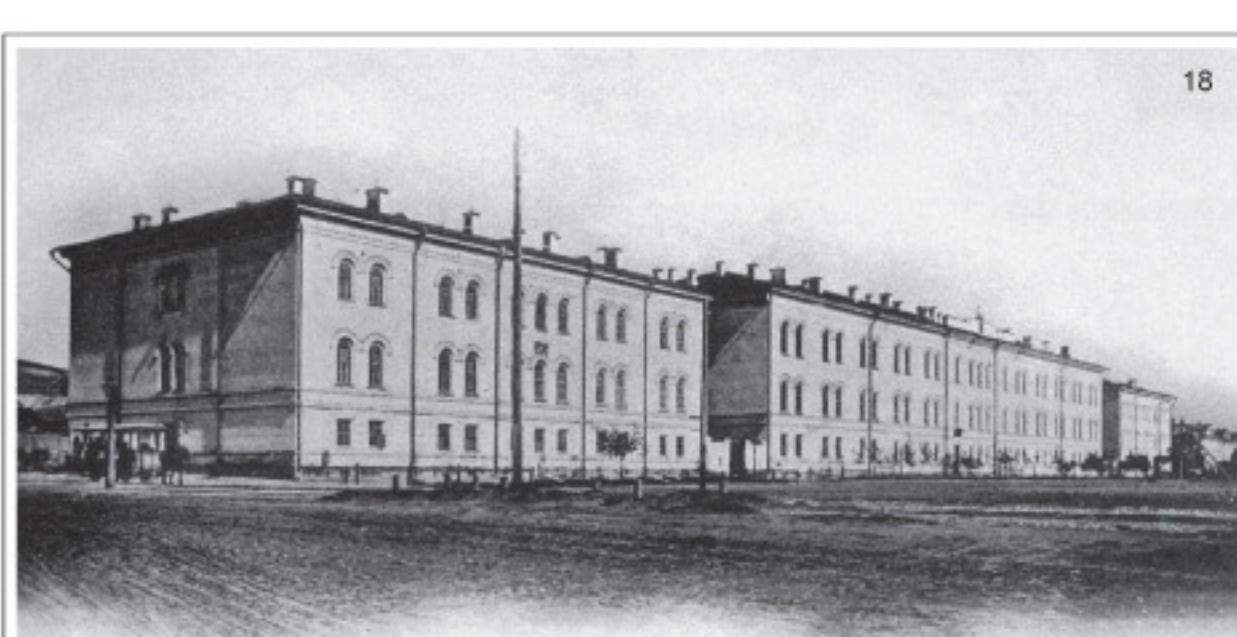
13

14

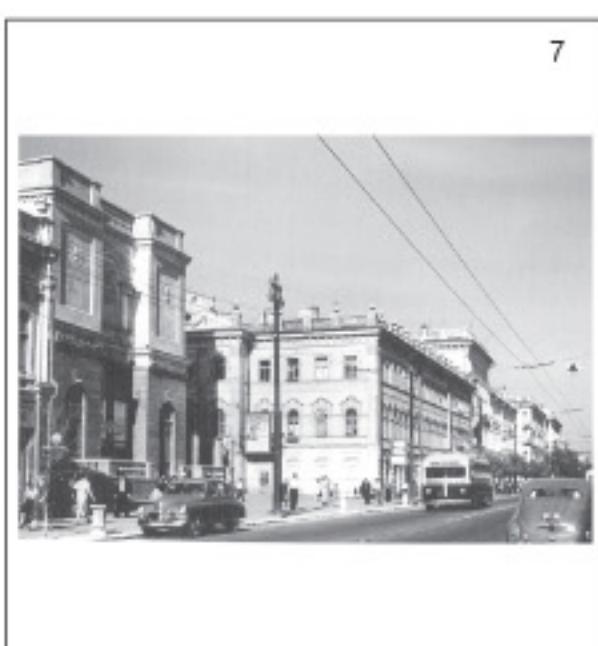
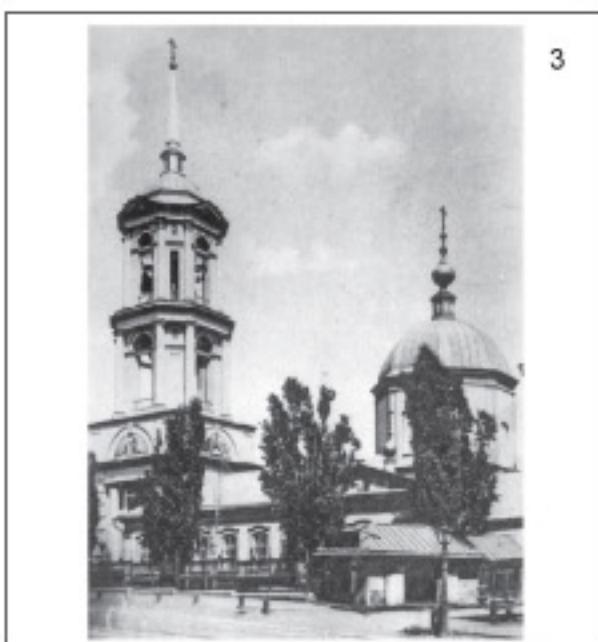
12

18

16

1. Дом Шехтелей на ул. Московской, где с середины XIX века жили братья Шехтели, позднее – дядя зодчего Франц Шехтель. Здесь в 1866–1871 годах жил будущий зодчий. На участке расположено три здания – одноэтажный магазин Шехтелей с винным погребом, двухэтажный магазин и гостиница (здание находится ближе к Волге) и двухэтажный жилой дом. Все сохранились.

2. Дом Т. Е. Жегина на Московской улице. Жегин жил в этом доме до 1870 года. В этом доме у Жегина гостили П. М. Третьяков в 1860 и 1864 годах. Здание сохранилось.

3. Приходская церковь Рождества-Богородицы. В ней крестили всех детей Т. Е. Жегина (кроме Николая).

4. Пеший базар.

5. Дом Шехтелей на Б. Сергиевской улице. Он достался в наследство детям инженер-технologа Осипа Шехтеля.

6. Католический собор на Немецкой улице. Во времена Шехтелей это было небольшое деревянное здание с колокольней. В 1866 г. здесь крестили младшего брата зодчего Виктора (Дейча). В этом здании зодчий, будучи мальчиком, «держал большую свечу».

7. Дом Шехтелей на Немецкой улице. Здание надстроено в 1930-е годы.

8. Дом Жегина на Немецкой улице.

9. Городской театр. Первым антрепренером Городского театра в 1865–1867 годах был отец зодчего – О. О. Шехтель.

10. Контора иностранных поселенцев. Фактически это было Министерство по делам колонистов.

11. Собор Александра Невского, где отпевали Т. Е. Жегина. Здесь брат зодчего Осип принял православие и венчался.

12. Саратовская мужская гимназия. В ней в 1871–1873 годах учился зодчий.

13. Особняк К. К. Рейнеке. 1910–1912.

14. Место купеческого брата Алоиза Шехтеля

15. Александровское ремесленное училище, основанное Т. Е. Жегиным в 1873 году.

16. Тираспольская римско-католическая семинария, где Шехтель учился в 1873–1875 годах.

17. Сад «Тиволи» А. И. Шехтель с летним театром. Здание театра было построено в 1859 году дядей зодчего. Впоследствии сад Сервье.

18. Здание батальонных казарм. Здесь в 1865–1867 годах жил М. А. Врубель.

Шехтельевские места Саратова

Михайловской-Челюсткиной²⁹. Попасть в Семинарию на казенный кошт для Шехтеля было несложно – после волнений в Польше прием поляков в семинарию был запрещен, а немцы-католики (которых в Саратове всегда было очень мало) своих детей делать священниками не стремились. Губернатор Галкин-Врасский отмечал: «Семинария эта имеет вообще значение не столько духовного училища, образующего священство, сколько общеобразовательной школы, т. к. процент оканчивающих в оной курс с правом на священство оказывается слишком незначительным»³⁰. Свой гимназический опыт прогульщика Шехтель смог применить и в Приготовительном училище. Дочь писала: «Федора Осиповича после смерти отца отдали мальчиком прислуживать в церкви, держать большую свечу. Но Ф. О., атеисту с детства, не по нраву пришлось это занятие, и он сбежал оттуда и, по его собственным рассказам, большую часть времени проводил с ребятами на берегу Волги».

9. ШЕХТЕЛЬ В МОСКВЕ, 1875 ГОД

Сын инженера-технолога из Саратова, он приехал в Москву в 1875 году, поступил в Училище живописи, ваяния и зодчества, где сошелся близко с моим братом Николаем. Их дружба продолжалась до самой смерти художника. Еще будучи совсем молоденьким учеником, посещавшим архитектурные классы, Шехтель часто приходил к нам в 1877 году, когда мы были особенно бедны... Очень изобретательный и одаренный от природы прекрасным общительным характером, Шехтель скоро обогнал своих сверстников.

М.П. Чехов. Вокруг Чехова

20 июня 1875 года беззаботный шестнадцатилетний Франц Шехтель по-английски оставил стены Семинарии и переехал в Москву к матери. Третьяков пристроил его к своему родственнику, известному московскому архитектору Каминскому. Позже бывший семинарист вспоминал: «Профессии не выбирал – было решено давно: конечно же, архитектурное отделение Училища живописи, ваяния и зодчества». Франц Шехтель поступил в Училище в 1876 году. Но вместе прилежной учебы Шехтель куда быстрее постигал азы профессии непосредственно в мастерских архитекторов. Он писал: «Однако и работал: не птица Божия – кормиться надо. Жалею: был отчислен за непосещаемость. Зато у Каминского, Чичагова, Терского работал. С 24 лет – самостоятельно». Итак, опять спустя два года, 1 сентября 1878 года Шехтель был отчислен из МУЖВЗ.

В итоге, энциклопедически образованный академик архитектуры Федор Осипович Шехтель имел один единственный документ об образовании: «Свидетельство № 168 об окончании полного курса приготовительного четырехклассного училища при Тираспольской римско-католической семинарии». При этом оно было выдано Шехтелю с большим опозданием, когда ему исполнился 21 год, т. е. по достижении призывающего возраста. Осенью 1880 года «саратовский мещанин Ф. О. Шехтель» был вызван из Москвы на жеребьевку в Саратовское городское по воинской повинности присутствие. Лица, окончившие училище, имели определенные льготы при прохождении воинской службы. Свидетельство об окончании приготовительного училища было получено Шехтелем 31 октября 1880 года. Две недели

спустя, 14 ноября, в Присутствии им был получен документ, по которому он был «признан совершенно неспособным к воинской службе и освобожден навсегда от службы»³¹.

После переезда в Москву еще двенадцать лет Франц Шехтель, так же как и его мать, числился саратовским мещанином, неоднократно приезжал в Саратов, где продолжали жить его брат Осип и сестра Мария. Л. Сайгина отмечает: «Отношения архитектора с братом Осипом и сестрой Марией были по-семейному теплыми».

Только 8 июля 1887 г. известный уже архитектор был причислен к московскому купечеству. Через неделю «московский купец» женился. Многое из того, что сделал для Франца Шехтеля, «худенького молодого человека, часто страдавшего зубами» Павел Михайлович Третьяков, объясняется его трепетным отношением к памяти Т. Е. Жегина. Дарью Карловну и ее сына в первую очередь считали родственниками Жегина, это подчеркивала и дочь Третьякова А. П. Боткина. Не удивительно, что крестница Павла Михайловича – «Нананя», как по-семейному называли Наталью Тимофеевну Жегину, становится женой Франца Осиповича Шехтеля. Можно только гадать, насколько предопределенным был брак зодчего со своей троюродной племянницей и почти одногодкой. Извиняющийся тон письма Шехтеля к А. П. Чехову накануне свадьбы позволяет предположить, что особого выбора у зодчего не было. Однако именно с родственниками Жегина, особенно с его детьми Верой и Николаем, и с его внуками Николаем и Сергеем Поповыми Шехтель, а потом и его дети дружили всю жизнь. Теща зодчего – Екатерина Францевна Жегина (урожденная Шехтель) жила и умерла в доме зодчего.

Оказавшись в доме Павла Михайловича Третьякова, юный Шехтель попал в самый эпицентр художественной жизни Москвы, своеобразным катализатором которой и был основатель Галереи. Трудно переоценить значение Третьякова в судьбе Шехтеля. Однако и «случайные» знакомства юного Шехтеля удивительны – он с юношеских лет подружился с Левитаном и Чеховым, его обучал игре на фортепиано Рубинштейн, а с молодым Чайковским у Шехтеля даже была дуэль!

Появившийся на свет в Петербурге и выросший в Саратове зодчий не просто стал москвичом. Шехтель стал синонимом московской архитектуры рубежа веков, символом всего лучшего в модерне, эталоном особой духовности и хорошего вкуса, и Е. И. Кириченко с полным основанием пишет о шехтельевской Москве в том же смысле, в каком говорят о Москве казаковской. Но десятки неприметных ниточек продолжали связывать Шехтеля с Саратовом всю его жизнь.

10. САРАТОВСКОЕ ЗЕМЛЯЧЕСТВО: ЛЕНТОВСКИЙ И ШЕХТЕЛЬ

Встреча молодого Ф. О. Шехтеля с энергичным М. В. Лентовским на несколько лет привнесла Ф. О. к театру. Лентовский в свое время был для Шехтеля тем же, чем много позднее Немирович-Данченко для Станиславского. Встреча эта разбудила то чувство театральности, которое природой было заложено в молодом Шехтеле... работал полуслухом, между чертежным столом и бутылкой шампанского, работал как добродушный гуляка, щедро разбрасывая кругом блестки своей фантазии... Это был фонтан жизнерадостности, почти беспечного наслаждения жизнью; жизнь в нем бурлила...

Н. А. Попов, режиссер³²

В том, что в Москве пересеклись пути двух саратовцев – «мага и волшебника Москвы» Михаила Валентиновича Лентовского и начинающего виньетиста Франца Шехтеля, можно увидеть естественную логику развития юного художника. Но не стоит забывать, что у Екатерины Францевны Жегиной была родственница и хорошая знакомая еще по Саратову – «незабвенная Александра Ивановна Шуберт»³³. «Талантливейшая актриса и редких душевных качеств человек», Шуберт умела заводить нужные знакомства и бескорыстно помогала талантливым молодым актерам именно в самом начале их карьеры. Многие известные артисты с глубочайшим уважением пишут о ее роли в их становлении. Александра Ивановна была доброй знакомой не только Жегиной, но и Лентовского, и как раз в конце 1870-х все четыре персонажа этой истории жили в Москве и общались между собой.

Семья Шехтелей: Дарья Карловна, Осип, Франц (стоит) и Мария. Москва, 1875

Екатерина Францевна Жегина (урожденная Шехтель) – кузина и теща зодчего

Наталья Тимофеевна Жегина, жена зодчего

Михаил Валентинович Лентовский

16

△ Театр «Антей», построенный по проекту Шехтеля

▽ Альбом «Весна-красна». Эскиз обложки. 1883

▽ Эскиз декорации «Кухня Людоеда» для театра М. В. Лентовского к спектаклю «Мальчик с пальчик или Людоед Лу-Лу». 1887

> Интерьеры особняка Морозовой на Спиридовонке. Витраж Брубеля «Рыцарь», панно из цикла «Времена дня» и скульптура «Хоровод ведьм»

Шехтель на тот момент развивался как успешный и безусловно профессиональный журнальный график, создатель быстрых скетчей в стиле популярного тогда французского художника Альфреда Гревена. Маститые архитекторы Каминский, Терский и Чичагов, у которых молодой Шехтель работал поначалу, ценили в нем способность в короткий срок выполнить «архитектурную подачу» – эффективное изображение для показа заказчикам. Обычно это был чертеж фасада, оживленный тенями, стаффажем и антуражем. Как знать, может быть со временем, Шехтель стал бы чем-то вроде современного «3d- модельера-визуализатора» с архитектурным уклоном, не повстречай он в своей жизни Лентовского.

Шехтель стартовал в саду «Эрмитаж» как театральный художник и ему удалось сделать несколько очень успешных спектаклей, продуманных до мелочей, таких как оперетты-феерии «Мальчик-с-пальчик», «Полет на Луну», «Царство лягушек», «Черт на земле». Сам Шехтель в зрелые годы относился к этим своим работам излишне критически, писал как-то, что под ними «не стоило подписываться». В этот период проявилось и еще одно качество Шехтеля – его универсальность. Шехтель был одновременно и художником-графиком, рисующим афиши, и театральным художником, с флейцем в руках создающим декорации, и едва ли не единственным архитектором. Работа у Лентовского дала ему уникальный и драгоценный опыт, на который у архитекторов уходят годы, а порой и десятилетия. Шехтель в течение нескольких дней мог видеть превращение своих экстравагантных фантазий из плоского эскиза в полномасштабное сооружение, имеющее форму, объем и силуэт. Он мог сразу же увидеть как свои просчеты и ошибки, так и удачные решения. Последние он тут же включал в свой арсенал и потом неоднократно использовал. Жизнь этих архитектурных миражей в «индийском», «мавританском», «русском» и «китайском» стилях была коротка, но на них росло и оттачивалось мастерство Шехтеля-архитектора.

«В период антрепризы Лентовского все затеи сада "Эрмитаж" – фантастический театр, театр "Антей", вся эта праздничная полуархитектура-полудекорация проектировалась Шехтелем», – отмечает Е. И. Кириченко. Построенный по проекту Шехтеля в «романском» стиле театр «Антей», пожалуй, самая крупная его работа тех лет. Сложная механическая начинка сцены была специально предназначена для постановки всякого рода «чудес, полетов, превращений», и здесь увидели свет самые головокружительные феерии и оперетты Лентовского³⁴.

До последних дней зодчий с гордостью говорил о своей причастности к антрепризе Лентовского. В материальном отношении работа у него не сулила для ее участников никаких выгод. Сам Лентовский вел спартанский образ жизни, так же вынуждены были жить его артисты и художники: в случае большого успеха очередного представления в его голове рождался еще более грандиозный замысел и все вырученные деньги он тут же употреблял на его воплощение. Артисты не получали жалованья месяцами, что сыграло свою роль в превращении антрепризы в 1891 году.

Как раз в это время все сильнее дает себя знать увлечение Шехтеля, ставшее его призванием, – архитектура. И только на «архитектурном уровне» будет теперь обращаться он к своей любимой теме – театру, теме, которой он не изменит никогда.

11. САРАТОВСКОЕ ЗЕМЛЯЧЕСТВО: ШЕХТЕЛЬ И ХУДОЖНИКИ

Теорческая рука живописца и скульптора должна, диригируемая зодчим, насытить богатством красок и форм все ограниченное стенами пространство, которое составляет общий комплекс философской сущности замысла зодчего...

Ф. О. Шехтель

В дуэте Шехтель-Лентовский «первой скрипкой» несомненно, был режиссер. Но уже в начале 1890-х Шехтель был одной из самых ярких и талантливых фигур отечественной культуры. Теперь уже он приглашал художников и посвящал их в свои замыслы. Интуиция и хороший вкус ни разу не подвели зодчего – он привлекал не самых известных на тот момент художников, но, как показало время, – самых лучших. Естественно, были среди них художники так или иначе связанные с городом его юности. О результатах таких встреч стоит упомянуть особо.

ВРУБЕЛЬ. Врубеля нельзя назвать саратовским художником. Но мир тесен и впервые пути девятилетнего Миши Врубеля и семилетнего Ади Шехтеля пересеклись в Саратове в 1866 году. По воспоминаниям всех католиков Саратова без труда помещались в крошечной и деревянной церкви на Немецкой улице³⁵, мальчики сидели неподалеку. Католиков в Саратове вообще было мало, а их отцы – командир Саратовского губернского батальона А. М. Врубель и директор Городского театра инженер-технолог О. О. Шехтель – появились в городе недавно и фигурами были колоритными. Возможно, мальчики видели друг друга и в соседних ложах Городского театра, где директорствовал Осип Шехтель, а на сцене с благотворительным концертом выступала жена подполковника Врубеля – превосходная пианистка. В одном из писем Михаил Врубель вспоминал, что в детстве его часто брали в театр, на семью обычно заказывали ложу. Ну а директорская ложа постоянно была закреплена и за Шехтелями. Врубели жили в казармах за городом на краю пыльного плаца, но зато совсем близко от открытого для отдыха «тенистого и чистенького сада Шехтелей». Но и это еще не все! В Саратове Врубель и Шехтель учились у преподавателя живописи Андрея Сергеевича Година, выпускника Академии художеств. Да и позже в Москве в 1880-е годы художники Шехтель и Врубель работали бок о бок у саратовца Лентовского.

В начале 1890-х годов модный архитектор Шехтель и непонятный многим художник Врубель снова встретились – на этот раз для удивительного творческого диалога, может быть самого плодотворного и захватывающего диалога в русском искусстве конца XIX столетия. Это сотрудничество продолжалось почти десять лет. «Шехтель первый пропагандировал М. А. Врубеля и пригласил его для росписи кабинета в доме А. В. Морозова и для панно и стеклянных витражей в строившемся тогда доме Саввы Морозова на Спирidonовке», – писал работавший в те годы у Шехтеля архитектор И. Е. Бондаренко. По признанию самого Врубеля, с помощью Шехтеля ему «удалось много поработать декоративного и монументального». Пять больших панно на тему «Фауста», декоративная бронзовая группа «Хоровод ведьм», эскизы двух витражей, цикл из трех панно на тему «Времена дня» – «Утро», «Полдень», «Вечер» стали органической частью поразительного убранства морозовских особняков. Панно «Муз» было написано Врубелем для собственного особняка Шехтеля, а его былинный «Богатырь» в тюдоровской раме «угрюмо сидел на своем битюге в доме Малича».

▲ Интерьер кабинета в доме Шхетеля в Ермоловском переулке

▼ Эскизы Борисова-Мусатова, выполненные для особняка Дерожинской, – «Весенняя сказка», «Летняя мелодия», «Осенний вечер»

МАТВЕЕВ. Зодчий выделил талантливого Александра Матвеева, в тот момент студента Строгановского училища, и заказал ему портреты своих детей. Как вспоминал сын зодчего Лев Жегин-Шхетель³⁶, Матвеев работал над двумя портретами летом 1903 года на их даче в Немчиновке, в построенной Шхетелем обширной беседке, обтянутой изнутри пестрыми бухарскими тканями. В процессе работы 11-летний Левушка стоял на врачающемся подиуме. Сохранилась только одна небольшая статуэтка – «Портрет Л.Ш.». Вторую скульптуру, для которой он позировал вместе с сестрой Верой, Матвеев неожиданно уничтожил в процессе работы, заявив, «что его смущило сходство с работами Паоло Трубецкого». Матвеев работал над портретом около полутора месяцев, приезжая два раза в неделю, а потом привез на дачу к Шхетелям формовщика, который перевел пластилиновую модель в гипс. По воспоминаниям сына архитектора, позднее его отец приобрел еще две небольшие работы Матвеева – «сидящую фигурку мальчика в широкополой шляпе» (Мальчик, 1901–1902) и «Ванька Таньку полюбил» (Парень с девушкой, 1901–1902). Стены особняка Шхетеля в Ермоловском переулке украшала картина друга Александра Матвеева – саратовца Павла Кузнецова. Был в этой очень личной, но необыкновенно качественной коллекции и темперный эскиз их старшего товарища Борисова-Мусатова к его полотну «Гобелен» – «Гранатовое ожерелье» (Портрет С. Стебловой). В годы после революции, чтобы прокормить семью, безработный академик архитектуры продал его балерине Гельцер и с горечью писал об этом: «мусатовский этюд я «съел» еще в прошлом году».

БОРИСОВ-МУСАТОВ. 1900-е годы – пора общественного признания и наивысшего творческого подъема Федора Шхетеля. Его постройки этого периода вошли в золотой фонд отечественной архитектуры. Именно в этот период зодчий начинает пропагандировать не слишком известного саратовского художника В. Э. Борисова-Мусатова. Александр Бенуа писал о художнике: «Этому чуткому декоративисту следовало бы предоставить стены для росписи, лишь тогда мог бы он развернуть все свое понимание красок». Примерно то же чувствовал и Шхетель. На протяжении нескольких лет, пока велись строительство и отделка интерьеров особняка Дерожинской, Шхетель в своих эскизах прикидывает – как бы смотрелись мусатовские образы в овале на стене или в нише над камином... В итоге Шхетель приходит к смелому и красивому решению – гигантский холл, которому он отводил роль главного помещения особняка, будет окаймлять гигантский фриз работы Борисова-Мусатова. Удивительным образом это решение является развитием знаменитого шхетелевского мозаичного фриза, опоясывающего особняк Рябушинского – культового здания раннего модерна. Шхетелевский фриз обращен вовне, к городу и масштаб у него экстерьерный. Но и огромный холл особняка Дерожинской, его ядро, по сути, вовсе не комната, а небольшая городская площадь в центре особняка!

В архиве зодчего сохранилась иллюминированная им фотография мусатовского «Гобелена», скорее всего Шхетель показывал ее владелице особняка, чтобы убедить в правильности своего решения. Тема большого доминирующего пространства привлекала Шхетеля всегда, и каждый раз находила все новые воплощения, но

< Холл особняка Дерожинской

▽ Холл особняка Дерожинской с панно Мусатова (реконструкция автора)

только в особняке Дерожинской она достигла небывалой ясности и одухотворенности. Простой, почти кубический объем холла освещается единственным окном, занимающим практически полностью одну из его стен. По эскизам Шехтеля была выполнена отделка стен и потолка, мебель, светильники и торшер, рисунок дверей и ручек к ним, даже ткань для обивки мебели. Сейчас можно только догадываться, сколь много теряет это тонко проработанное Шехтелем пространство без мусатовских фресок. Замыслы художника дошли до нас только в великолепно выполненных в начале 1905 года акварельных эскизах, объединенных одной темой «Времена года»: «Весенняя сказка» (левая стена), «Летняя мелодия» (центральная стена над камином), «Осенний вечер» (правая стена) и «Сон божества» (стена с окном). Последний эскиз существует в двух вариантах – в виде двух фрагментов справа и слева от окна и уже как самостоятельная тема. Мусатовский цикл перекликается с «Временами дня» Врубеля, видимо идея была подсказана Шехтелем. Фриз – это единственное светлое место в огромном холле особняка Дерожинской, отделанного дубом. Высветленность мусатовских эскизов была вызвана именно этой особенностью помещения, но стала характерной чертой его творчества всего позднего периода.

Цикл, несший в зачатке новую поэтическую гармонию, в итоге стал для художника еще одним источником драматических переживаний и горьких разочарований: «Моя фреска потерпела фиаско. Так мне хотелось написать ее. Так я мечтал об этом. Хотя это и колоссальный труд. Сделал я четыре акварельных эскиза, и они всем очень понравились. Весна, лето и два – осени... Владелица же палаццо, где нужны эти фрески, благородно ретировалась, предложив за них гроши. Но, может быть, судьба меня ведет. Еще переживет ли палаццо эту революцию...», – писал он в октябре 1905 года расстроенный художник³⁷. Для Шехтеля, имевшего богатый опыт убеждения капризных заказчиков, осуществление мусатовских замыслов было лишь вопросом времени, однако Мусатов вскоре скончался. Шехтель так написал об этом: «В это же время (в 1900-е годы – А.М.) В. Э. Борисов-Мусатов делает эскизы панно для дома А. И. Зиминой (Дерожинской) моей постройки. Эскизы сделаны в излюбленном им характере реминисценций 40-х годов. Эти три колоссальные панно вышиной около 7 аршин и длиною до 12 аршин так и остались ненаписанными ввиду смерти Борисова-Мусатова».

ПЕТРОВ-ВОДКИН В 1910-е годы, чутко улавливая наметившиеся тенденции, Шехтель отдает дань ретроспективизму. Замечательный архитектурный критик Г. Лукомский писал, что собственный дом Шехтеля – редчайший пример удачного применения классических ампирных форм в современной архитектуре. В неоклассическом ключе Шехтель спроектировал в 1911 году небольшую часовню-мавзолей для мукомола А. М. Эрлангера. Для оформления алтарной стены зодчий пригласил еще одного саратовца: «К. П. Петров-Водкин пишет по моему заказу в усыпальницу Эрлангера на Введенских горах большой картон для мозаики «Христос-селятель», после чего расписывал храм А. В. Щусеву»³⁸. По сути, мавзолей Эрлангера – одна из последних реализованных работ зодчего. Сегодня это действующая православная часовня.

▽ Мавзолей Эрлангера на Введенском кладбище. Фасад

▽ Мавзолей Эрлангера на Введенских горах. Мозаика Петрова-Водкина «Христос-селятель»

12. ВМЕСТО ЭПИЛОГА. ПЛАНЕТА ПО ИМЕНИ ШЕХТЕЛЬ

Я строил всем Морозовым, Рябушинским, Фон-Дервизам и остался нищим. Глупо, но я чист.
Ф. О. Шехтель. Духовное. 1926 год

Неумолимый ход времени все дальше отодвигает от нас эпоху модерна и период предшествовавшего ему десятилетия. Закончилась полоса острокизма для архитектуры рубежа веков, тянувшаяся почти до конца 1970-х³⁹, стихли неоправданные восторги и увлечения вакханалией прихотливых линий модерна, столь характерные для 1980-х и 1990-х. И удивительное дело, по мере удаления от нас той эпохи, фигура «талантливого толстяка» Федора Шехтеля, стоявшая поначалу вровень со своими собратьями по профессии – Валькоттом, Кекушевым, Щусевым, Покровским – увеличивается на глазах, становится все крупнее и значительнее. Шехтель открывается для нас все новыми и новыми гранями.

Наследие Шехтеля огромно и многопланово. Это десятки удивительных зданий, сотни предметов декоративно-прикладного искусства, тысячи графических листов. В каждой области Шехтель достиг фантастических высот. В золотой фонд отечественной культуры

1. Яков Бандель (Jakob Bandel), сапожник из Бисванга (Bieswang) прибыл в колонию 18.6.1766 г. записан под № 6 в Перечне первых переселенцев колонии Шукк. Список опубликован в 4 томе книги «Einwanderung in das Wolgagebiet 1764–1767» Игоря Плеве. Дети Антона Шехтеля прибыли в Россию под своей фамилией, но в документах указывались только их имена, а фамилия фигурировала одна – их отчима Банделя. У тех, кто не был знаком с этим обстоятельством, могло возникнуть впечатление, что пятеро Шехтелей появились в России непонятным образом.

2. Вызывающий барон de Boffé, француз, в 1764 г. выступил одним из инициаторов создания института вызывающих.

3. Колония Шукк (Schuck, Шук, Шухов) или Грязноватка – материнская «вызывающая» колония для лиц католического вероисповедания основана де Бонфе 18 июля 1766 г. В этот момент в ней насчитывался 91 человек, в 1912 г. – 2469 человек. После выселения немцев Поволжья в 1941 г. – село Партизанское, Саратовской области (на границе с Волгоградской областью). Последний раз село фиксируется на карте 1981 года. В настоящее время на месте колонии степь.

4. В разных источниках фамилия Шехтель записана по-разному: Schechtel, Schachtel, Schaechtel.

5. Фольмер (Volmer, Коленка, Луговой), Каменка (Kamenka, Bähr в настоящее время – Каменка). Келер (Köhler; Келлер, Карапульный Буерак), хутора (с мельницами) Шехтельский (Schechtel) и Шехтелецкий (Schechtel) (с населением 4 и 6 человек в 1894 г.) находились в Иловлинской волости Камышинского уезда.

6. По данным переписи 1798 г.

7. Осип Шехтель (Joseph Schachtel). По переписи 1798 г. ему было 23 года, он не был женат и проживал в Шукке. По переписи 1815 г. его в Шукке уже нет.

8. Герман А. А., Плеев И.Р. Немцы Поволжья: Краткий исторический очерк. Саратов: Изд-во. Сарат. ун-та, 2002.

9. Максимов Е. К. Александр II и Саратов.

10. ГАСО. Ф.2. Оп.1, Ед. хр. 2044, Л. 1,6,8. «Дело по рапорту Саратовской городской думы о компании, составленной из саратовских купцов для отыскания в Сибири золота и других благородных металлов. 1842г.»

11. ГАСО. Ф.433, Оп.1., Ед. хр. 546, Л. 1–2. «Дело Саратовского сиротского суда об опеке над имением и детьми купчихи Елизаветы Шехтель. 1856–1878 гг.».

12. Славин И. Я. Саратовский городской театр. // Саратовский Вестник. 1915. № 238, Славин досконально изучил и описал быт и нравы саратовского купечества и историю саратовского театра. Его отец, известный в городе купец, был членом Театрального комитета, жил по соседству с Шехтелями.

13. ЦГИА. Ф.126, оп.4, Ед. хр. 4515, Л.3. «Дело Московского совета детских приютов Почетного члена Совета надворного советника Франца Иосифовича Шехтель».

14. С.-Петербургский практический технологический институт. 1828–1893. Краткий исторический очерк. СПб, 1894. До 1917 года было выпущено несколько подобных сборников. Во всех выпусках, кроме первого (1878 года), фамилия Осипа Шехтеля записана неправильно – Шестель.

15. ГАСО. Ф.433. Оп.1, Ед. Хр. 999. Л. 777. «Дело об опеке над имением купцов Франца и Осипа Шехтель».

16. Там же. Л. 719.

17. Славин И. Я. Саратовский Городской театр. Исторический очерк. 1863–1913. Саратов, 1912.

вошло придуманное Шехтелем новаторское здание Московского Художественного театра и крошечная эмблема МХАТ с Чайкой, нарисованная его рукой. Сказочно-былинный Ярославский вокзал является визитной карточкой Москвы, а спроектированные зодчим до последней дверной ручки дома Морозовой, Рябушинского и Дерожинской стали эталонами московских особняков и несомненными символами эпохи. Даже в самые непростые для модерна времена ЦК КПСС удобно размещался в шехтельевском «Боярском Дворе» на Старой площади, да и другие его деловые здания практически без переделок служат уже почти сотню лет! Вновь восстали из пепла, обрели купола и кресты шехтельевские церкви. Думается, еще ждет своего часа колossalное наследие Шехтеля – журнального графика и Шехтеля – театрального художника.

Федору Шехтелю, великому архитектору, появившемуся 150 лет назад и выросшему в Саратове на берегах Волги, удалось создать свой удивительный мир, свою вселенную, наполненную красотой и гармонией. И глубоко символично, что в миллионах световых лет от Земли сегодня можно разыскать планету, которой астрономы дали название «ШЕХТЕЛЬ».

18. К.Ф. Келлер, по документам, был поселянином колонии Верхняя Грязнуха (Крафт), находившейся поблизости от Грязноватки – Шукк.
 19. ГАСО. Ф.433. Оп.1, Д. 988.
 20. ГТГ ОР. Ф.1. Ед. хр. 4647. Л.1.
 21. ГАСО. Ф.365. Оп.1. Ед. хр. 32. «Дело по отношению Московской Евангелическо-Лutherанской консистории о присоединении Виктора-Иогана Шехтель из римско-католической в евангелическо-лютеранско вероисповедание. 2 окт. 1868–17 окт. 1868 гг.».
 22. ГБЛ ОР, Чехов, 63.25 Письмо Ф. О. Шехтеля А. П. Чехову от 26 марта 1887 г.
 23. По данным Л. Сайгиной.
 24. У Тимофея Ефимовича Жегина было пять собственных дочерей. Кроме этого у него жила теща – А. И. Шехтель, дочери Алоиза и, возможно, Осила Шехтеля. В письме к Третьякову Жегин шутливо пишет о них «мои бабы». Сын Жегина – будущий замечательный музыкальный деятель, фактический создатель Дома-музея П. И. Чайковского в Клину, родился в 1873 году, через неделю после скоропостижной смерти отца.
 25. ГАСО. Ф.381. Оп.1. Ед. хр. 347. «Именной список Пансионерок Саратовского Мариинского института благородных девиц за 1877 г.».
 26. ГАСО. Ф.248. Оп.1. Ед. хр. 18. Л. 117–136 об. «Общая книга баллов учеников Саратовской Гимназии на 1871/1872 учебный год.
 27. ГАСО. Ф.248. Оп.1. Ед. хр. 25. Л. 134–154. «Общая книга баллов учеников Саратовской Гимназии на 1872/1873 учебный год».
 28. Городецкий М. И. К истории римского католицизма в России // Исторический Вестник. 1889. Т. 38.
 29. ГАСО. Ф.1. Оп.1. Ед. хр. 1630. «Переписка с МВД... о покупке здания для размещения Тираспольской римско-католической духовной семинарии». Здание, в котором учился Шехтель, было снесено недавно.
 30. ГАСО. Ф.1. Оп. 1. Ед. хр. 2007. Л. 37. «Переписка с МВД и управляющим Тираспольской семинарии об отпуске средств на содержание и ремонт Римско-католической церкви и семинарии в г. Саратове. 1870–1873 гг.».
 31. ЦГАЛИ. Ф.677. Оп.1. Ед. хр. 10092. Л.72.
 32. Попов Н. А. «Ф. О. Шехтель, как деятель театральный». Машинопись хранится в ЦГАЛИ. Ф. 837. Оп.1. Ед. хр. 7. Братья Николай и Сергей Поповы, историки театра, племянники зодчего.
 33. О роли А. И. Шуберт в их жизни оставили свои воспоминания актеры М. Савина, П. Стрепетова, В. Давыдов.
 34. Попов С. А. «Воспоминания о деятельности режиссера Лентовского М. В.» Машинопись хранится в ГТЦМ им. Бахрушина, Ф. 216, Оп.1. Ед. хр. 217. Эта рукопись в раскрашенном виде была использована Ю. А. Дмитриевым для книги «Михаил Лентовский». М., 1978. По иронии судьбы, также поступил позднее с книгой Дмитриева А. Г. Закиров, написавший «свой» очерк о Лентовском в сборнике «Годы и люди».
 35. Даже спустя шесть лет, в 1873 году, уже после открытия железной дороги и начала бурного роста города, в Саратове насчитывалось католиков 266 лиц мужского и 254 женского пола, включая младенцев и старииков.
 36. Жегин Л. Встречи с А. Т. Матвеевым // Панорама искусств. 78. М., 1979.
 37. ГРМ. Ф.27. Ед. хр. 23. Л.5–7, Письмо из Тарусы датировано октябрем 1905 года.
 38. Шехтель Ф. О. Сказка о трех сестрах: Архитектуре, скульптуре и живописи. 1919 г. // МУАР, Р1, 11626/2.
 39. В это непростое время Е. И. Кириченко сумела написать и опубликовать качественную и обстоятельную монографию о Ф. Шехтеле, актуальную и поныне.

